

СОВРЕМЕННАЯ ПЕЧАТЬ
О СМЕРТИ ГОГОЛЯ.*

Моск. IV. 1852. 7

Призывъ Аксакова — „прекратить прежнія страсти“ — имѣлъ основаніе въ той враждѣ и въ томъ отрицательномъ отношеніи, которыя питала къ Гоголю часть журналистики. Смерть писателя, какъ оказалось, не измѣнила дѣла.

Въ петербургской печати первое извѣстіе о кончинѣ Гоголя появилось 24 февраля. Въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* отъ этого числа (№ 45), въ фельетонѣ, передъ статью о театрахъ и концертахъ, напечатано было коротенькое сообщеніе: „Мы сей-часъ получили извѣстіе глубоко прискорбное: 21 февраля скончался въ Москвѣ Н. В. Гоголь.“

Затѣмъ въ тѣхъ же *Вѣдомостяхъ* читаемъ замѣтку описательнаго характера: отъ 4 (№ 52) и отъ 6 (№ 54) марта о болѣзни и похоронахъ, отъ 17 апрѣля (№ 85) біографическія подробности (изъ *Отечественныхъ Записокъ*). Писать что-либо другое о Гоголѣ нельзя было въ академической газетѣ, какъ видно изъ исторіи съ Тургеневымъ.

Что касается до *Сѣверной Пчелы*, то смерть Гоголя дала Булгарину поводъ лишний разъ разбранить его какъ писателя. Когда Гоголь лежалъ уже въ гробу, въ номерѣ отъ 23 февраля, въ „Журнальной всякой всячинѣ“, *Сѣверная Пчела* пронизировала надъ тѣмъ, что „въ *Отечественныхъ Запискахъ* г. Гоголь былъ называемъ не въ шутку русскимъ Гомеромъ, а сказки — *Мертвѣя Души* — русскою *Илиадой*“.

О самомъ событіи кончины Гоголя *Сѣверная Пчела* заявила 25 февраля въ отдѣлѣ извѣщеній о смертныхъ случаяхъ безъ какихъ бы то ни было подробностей. Мѣсяца полтора послѣ этого *Сѣверная Пчела* не проронила ни слова о Гоголѣ. Наконецъ, 19 апрѣля и потомъ 3 мая, Булгаринъ воздалъ должное „литературному достоинству“ покойнаго писателя.

Нового онъ ничего не сказалъ, но повторилъ старое, что въ виду недавней смерти писателя, должно было произвести особенно сильное впечатлѣніе. Въ доказательство справедливости своего мнѣнія, Булгаринъ ссылался на то, что точно такъ же думаетъ и Просперъ Мериме. Въ общихъ чертахъ мнѣніе Булгарина сводилось къ тому, что Гоголь — пріятный развѣсчикъ, умѣющій смѣшнить и забавлять своими карикатурами — и только; онъ не народный писатель, не зналъ вовсе Россіи и „правилъ великороссійскаго языка“. *Ревизоръ* — выдумка, ни одной картины съ натуры; *Мертвѣя Души* — сказка; вообще — ни идей, ни идеаловъ, ни чувства не было никогда у Гоголя.

Некрологическую замѣтку въ *Вѣдомостяхъ Московской Полиции* *Сѣверная Пчела* считала „верхомъ смѣшнаго“. Гоголя нельзя сносить даже съ Сю, Дюма и Зандъ, — такъ можно ли было ставить его имя рядомъ съ именами Ломоносова, Державина, Крылова и др. Гоголь — просто „русскій Поль-де-Коъ“, а образцомъ для него служилъ Нарѣжный со своимъ *Бурсакомъ* и другими разказами.

Булгаринъ нападалъ и на Погодина, упрекая его за то, что онъ okayмилъ некрологъ Гоголя въ *Москвитянинѣ* черною рамкой.

Статьи *Сѣверной Пчелы*, рѣзкія по тону, одностороннія и бездоказательныя по содержанію, не могли не вызвать отпора. Двѣ статьи, защищавшія Гоголя отъ злобныхъ нападокъ, появились въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. **

Справедливое негодованіе автора одной изъ нихъ возбуждало въ писателяхъ Булгарина — „этотъ неумѣренный диктаторскій тонъ осужденія, эта самонадѣянная замашка рубить съ плеча, безо всякаго опасенія задѣть тысячи обдуманныхъ убѣжденій и горячихъ сочувствій, — наконецъ, эта милая увѣренность однимъ почеркомъ пера, бездоказательно, общими, ничего не значащими словами, втоптать въ грязь такую извѣстность, которую такъ высоко уже поставило почти единодушное мнѣніе“.

И затѣмъ авторъ по пунктамъ разбивалъ мнѣніе Булгарина.

Погодинъ также защищался отъ укоровъ въ своемъ *Москвитянинѣ*.***

V.

Съ перваго номера *Москвитянина* за 1852 годъ началась критическая статья Аполона Григорьева: *Общій взглядъ на современную словесность, и ея исходная историческая точка*. Гоголя онъ признавалъ гениемъ литературной эпохи, которую современники переживали до той поры. „Все, что есть дѣйствительно живаго въ явленіяхъ современной изящной словесности, идетъ отъ него, поясняетъ его, или даже поясняется имъ. Цѣльная, полная художественная натура Гоголя, такъ-сказать, развѣтвляется въ различныхъ сторонахъ современной словесности.“

Статья кончилась въ четвертой, а въ пятой книжкѣ читатели увидѣли печальное извѣстіе о смерти Гоголя.

Въ первой мартовской книжкѣ *Москвитянина*, † подъ рубрикой: *Московскія извѣстія. Кончина Гоголя*, появилась некрологическая замѣтка самого издателя, М. П. Погодина. Траурная рамка, okayмлявшая четыре странички, выдѣляла некрологъ среди другихъ статей журнала. Мы уже знаемъ, что Погодину досталось отъ *Сѣверной Пчелы* за эту рамку...

Сообщивъ о смерти Гоголя, Погодинъ начинаетъ свою статью такъ: „Публика требуетъ подробностей о кончинѣ своего любимца; въ городѣ ходятъ разные слухи и толки. Скрѣпя сердце, приступаю къ исполненію журнальной обязанности, которая ни-

когда не была для меня такъ тягостна. Чѣмъ онъ былъ боленъ? На этотъ вопросъ можно отвѣчать только то, что онъ страдалъ, страдалъ много, страдалъ тѣломъ и душою, но въ чемъ именно заключались его страданія, какъ онъ начался, — никто не знаетъ, и никому не сказывалъ онъ объ нихъ ничего, даже своему духовнику.“

Описавъ состояніе Гоголя до болѣзни, самую болѣзнь, сожженіе *Мертвѣя Души* и другихъ рукописей, — Погодинъ задавалъ вопросомъ о причинѣ послѣдняго поступка, и отвѣчалъ, что какова бы ни была она, Гоголь „имѣетъ равное право на наше человеческое участіе, и всѣ причины одинаково вызываютъ насъ къ размышленію глубокому, въ наше время, исполненное чудныхъ явленій и въ обществахъ, и въ людяхъ“.

И ту характеристику, которую далъ Погодинъ, — и другъ, и не-другъ Гоголя, — даетъ покойному въ эти минуты, когда земные счеты признаются поконченными, — нельзя не признать яркою и вѣрною и въ настоящее время, достаточно накопившее фактовъ для оцѣнки Гоголя.

„Это была, — утверждаетъ Погодинъ, — натура особливая, которая по кончинѣ сдѣлалась еще таинственнѣе и еще мудренѣе для уразумѣнія, чѣмъ была при жизни, и которую судить простою мѣркою, по обыкновеннымъ нашимъ понятіямъ, нельзя и не должно.“

„Можетъ-быть, духъ, который былъ условіемъ его созданія, и который общалъ имъ ту, ни съ чѣмъ несравненную, для насъ любезность и прелесть, ту силу удивительную, которой ничто не противилось, — былъ вмѣстѣ и условіемъ его такой жизни, его такой смерти, его такого образа дѣйствій: ослабъ онъ не умеръ такъ, можетъ-быть, онъ не могъ бы и жить такъ, и не живя такъ, не могъ бы и писать такъ.“

„Что принадлежало въ немъ его физиологій, его національности, его воспитанію, его жизни, опыту, что было ему врождено, что имъ приобретено, что въ немъ выработалось безъ его вѣдома, — всего этого разобрать едвали достанетъ въ комъ силы.“

„Все это вѣдать единому Сердцевѣдцу... И на что намъ разбирать источники плачевнаго событія? Больше ли мы должны благодарить предъ христіанствомъ, чѣмъ сострадать несчастливцу, или священно трепетать о человѣкѣ? Друзья и братья! Человѣкъ еще ближе всѣхъ къ намъ.“

„Оставимъ же безполезныя изслѣдованія и невѣрныя догадки. Оплачемъ горькими слезами то, что потеряли, и возблагодаримъ сторицею за то, что осталось! Будемъ удивляться великому художнику и молиться, кто можетъ, о слабомъ человѣкѣ.“

Справедливость и искренность этихъ словъ тѣмъ больше слѣдуетъ признать, что Погодинъ имѣлъ возможность близко узнать Гоголя. Среди остальныхъ друзей, съ которыми жилъ Гоголь, лишь съ однимъ Погодинымъ были у него рѣзко-обостренные отношенія. Бывали минуты, когда они не выносили одинъ другаго и, избавившись отъ совместной жизни, вѣдыхали свободно, какъ будто сваливъ съ себя тяжелый нравственный грузъ.

Какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, Погодинъ не могъ не раскисаться въ своихъ недавнихъ подозрѣніяхъ и неприязни къ покойному и въ постъскриптумъ той же замѣтки говорить:

„Въ роковую недѣлю меня не было въ Москвѣ, какъ будто въ наказаніе, что я въ послѣднее время позволялъ себѣ питать разныя подозрѣнія насчетъ его, и не вѣрилъ вполне его искренности.“

Эту мысль о загробномъ примиреніи Погодинъ высказалъ и въ отрывкѣ изъ письма въ Петербургъ, напечатанномъ во второй апрѣльской книжкѣ *Москвитянина*. Описывая поминки по Гоголю въ сороковой день, Погодинъ характеризовалъ общее настроеніе его друзей словами:

„Какое-то расположеніе къ миру примѣчается у насъ вездѣ по его кончинѣ.“ *

Но не мирились съ Гоголемъ, какъ мы видѣли, его петербургскіе критики. Это, кромѣ *Сѣверной Пчелы*, отразилось и въ журналахъ.

Сынъ Отечества ограничился выдержкой, въ сокращеніи, изъ некролога *Вѣдомостей Московской Полиции*. **

Библіотека для чтенія не обмолвилась ни однимъ словечкомъ, и *Пантеонъ* былъ правъ, когда, спрашивая: „замолкнуть ли, наконецъ, теперь, надъ свѣжею могилѣю рано погибшаго писателя, споры и толки?“ — отвѣчалъ: „Сомнѣваемся, зная раздражительность человѣческой природы вообще и писательской въ особенности. Смерть примиряетъ всякую вражду, кромѣ литературной.“ ***

Журналъ какъ будто предчувствовалъ злобныя вылазки *Сѣверной Пчелы*.

Отечественныя Записки въ своемъ некрологѣ, такъ же какъ и *Москвитянинъ*, какъ Аксаковъ съ Тургеневымъ, призывали къ забвенію вражды и къ тихой скорби. † Судь произносить — не время надъ тѣмъ, кто имѣлъ или жаркихъ поклонниковъ, или отъявленныхъ недруговъ. „Пусть лучше одно чувство скорби о покойномъ, чувство, къ которому не примѣшивается ничто земное и литературное, будетъ теперь послѣднимъ нашимъ чувствомъ.“

Въ слѣдующей, апрѣльской, книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ* появились впервые въ печати біографическія свѣдѣнія о Гоголѣ, составленные, главнымъ образомъ, по разказу Прокоповича, близкаго друга покойнаго писателя. †*

* *Москвитянинъ*, № 8, апрѣль, кн. 2, Москв. Извѣстія, стр. 139. Въ той же книжкѣ помѣщено стихотвореніе Н. Берга *Надъ гробомъ Гоголя*, не выдающееся и по чувству, и по литературному достоинству.

** *Сынъ Отечества*, 1852, 3, Соврем. Лѣтопись и политика, стр. 24—25.

*** *Пантеонъ*, 1852, мартъ, *Москов. Вѣстникъ*, стр. 28—29, *Петербургскій Вѣстникъ*, стр. 1—3.

† *Отечеств. Записки*, 1852, т. 81, мартъ, Разныя разности, стр. 131—132.

†* *Отеч. Записки*, 1852, т. 81, апрѣль, Смѣсь, стр. 189—201.

Наконецъ, послѣдній журналъ, *Современникъ*, перепечаталъ корреспонденцію *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* о смерти Гоголя,* а затѣмъ далъ въ концѣ года статью съ біографическими замѣтками.**

Конечно, въ *Современникѣ* было помѣщено и извѣстное стихотвореніе Некрасова: *Блаженъ незлобивый поэтъ*. Онъ пѣлъ о томъ, —

Чей горделивый геній,
Ставъ обличителемъ толпы,
Ея страстей и заблужденій;

кто —

проповѣдуетъ любовь
Враждебнымъ словомъ отрицанья.

Сурова судьба такого поэта:

Проходить онъ тернистый лутъ
Съ своею карающею лирой.
Со всѣхъ сторонъ его кланютъ,
И только, трупъ его увидя,
Какъ много сдѣлалъ онъ, поймутъ,
И какъ любилъ онъ — ненавидя!

VI.

Вотъ и все, что дала современная журналистика по поводу смерти Гоголя.***

Кромѣ непосредственнаго интереса, который представляютъ нѣкоторыя статьи, на какія поучительныя размышленія и выводы наводитъ этотъ обзоръ?

Прежде всего вы замѣчаете разницу между положеніемъ и развитіемъ періодической печати тогда и въ наше время. Въ журналистикѣ нѣтъ той лихорадочности, той жажды злободневныхъ темъ, которая есть жизненный нервъ нынѣшней печати. Журналы даютъ некрологъ писателя, котораго сами же считаютъ великимъ, въ отдѣлахъ „смѣсь“ и „разныхъ разностей“. Смерть писателя не оставиваетъ, несмотря на горячія убѣжденія его друзей, рѣзкихъ и несправедливыхъ отзывовъ о немъ. И въ этомъ, пожалуй, наше время недалеко ушло: „смерть примиряетъ всякую вражду, кромѣ литературной“, какъ выразился старый *Пантеонъ*. Но смерть писателя тогда не вызывала и ничтожной доли того общественнаго вниманія, какимъ сопровождаются подобныя и менѣе значительныя событія въ наше время. Это самый яркій признакъ роста печати: переходъ многія ступени, она становится не только выразительницей, но и властелиномъ общественнаго мнѣнія.

А. ЗАРАЙСКИЙ.

* Окончаніе. См. *Моск. Вѣд.* № 56.** *Московскія Вѣдомости* 1852, № 76, 24 іюня, статья: *Отзывъ провинціала на статью о Гоголѣ, помѣщенную въ „Сѣверной Пчелѣ“*, и тамъ же рядомъ статья: *Еще нѣсколько словъ о Гоголѣ*.*** 1852. III, *Смѣсь*, стр. 59—60. Въ обществѣ тогда упорно ходили слухи, что и Погодинъ, подобно Тургеневу, арестованъ и высланъ изъ Москвы.

† Мартъ, кн. I, № 5, стр. 47—50; журналъ выходилъ два раза въ мѣсяцъ.